

социального положения.¹ И вместе с тем, несмотря на всю внешнюю противоречивость выводов о том, кем был автор „Моления“ по социальному происхождению, одно не представляет сомнений: автор „Моления“ принадлежал не к господствующим классам общества, а к зависимым. Он называет себя „холопом“. Называл ли он себя так в точном и узком значении этого слова, которое постоянно встречается в актовом материале древней Руси, или в более общем и более неопределенном значении „слуга“, „подданный“, „зависимый человек“, которое встречается по преимуществу в памятниках литературы, — всё равно, в этом слове автор „Моления“ подчеркнул свое невысокое социальное положение. Называет себя автор „Моления“ и „дворянином“ („всякому дворянину имети честь и милость у князя“),² но и эта его самохарактеристика не должна пониматься слишком буквально. Положение „дворянина“ для XII—XIII веков было не выше положения любого представителя княжеской дворни. Многочисленные „редакторы“ „Моления“ постоянно подчеркивают только одно — зависимое, низкое положение Даниила, не уточняя этого положения никакими конкретными социальными определениями.

Однако, к какой бы категории зависимых людей ни принадлежал Даниил, одна черта выделяет его из всех: Даниил подчеркивает свою полную зависимость только от князя. Только в князе видит он возможный источник своего благополучия, только князя восхваляет, превозносит до небес. Это обстоятельство позволяет видеть в Данииле типичного княжеского „милостника“, которых особенно много было во Владимиро-Суздальской земле и которые как раз вербовались из самых различных категорий зависимых людей. Княжеские „милостники“ были и из холопов, и из крестьян, и из ремесленников, из разорившихся людей самых различных профессий. Это были люди часто пришлые, неустроенные в жизни, единственную свою надежду возлагавшие на князя, на его „милость“. Не случайно и самое слово „милость“, и обращение к этой „милости“ так часты в „Молении“. В дальнейшем мы увидим, что определение автора „Моления“ как княжеского „милостника“ имеет и другие основания.

Даниил сравнивает князя с весной, украшающей землю цветами,³ с рекой, наполняющей людей и зверей.⁴ Князь посылает тучу, грозу. Он так богат, что богатства его нельзя истощить, как чашею нельзя вычерпать море.⁵ Щедрый князь — отец слугам,⁶ он „заступник теплый“,⁷ он дает богатства и славу, как земля плод, как дерево „овощь“.⁸ К нему все приходят и „обретают от печали избавление“.⁹

В тоне этого панегирика только очень опытное ухо могло уловить элементы легкой иронии. Во всяком случае князь не был для Даниила Заточника ни фигурой священной, ни непогрешимой. Его отношение к князю определяется сравнениями из животного мира. Князь подобен орлу над птицами, осетру над рыбами, льву над зверями.¹⁰

¹ Б. А. Романов. Люди и нравы древней Руси. Л., 1947.

² Н. Н. Зарубин. Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. М., 1932, стр. 68.

³ Там же стр. 14.

⁴ Там же, стр. 20.

⁵ Там же, стр. 16.

⁶ Там же, стр. 19.

⁷ Там же, стр. 63.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, стр. 66.